

Таира Нисидзава: о пространстве в России и Японии /

текст

**Анастасия Дюрягина,
Валентина Шварцман /**
text

**Anastasia Dyuryagina,
Valentina Schwartzman**

фото
Анастасия Дюрягина /
photo

Anastasia Dyuryagina

Белый цвет – легкий способ быть хорошим архитектором. Я называю это, своего рода, болезнью. Белый болезнью.

Т. Нисидзава, 2017 г.

Таира Нисидзава (брат Рюэ Нисидзава, сооснователь SANAA). Архитектор из Японии. Профессор архитектурного факультета Технологического Института Сибaura в Токио.

В 1987 году Нисидзава окончил Токийский технологический университет по кафедре архитектуры. Был учеником японского архитектора Кадзуо Синохара (основателя

> Рис. 1. Часовня по проекту Т. Нисидзава. Интерьер / Fig. 1. The chapel by T. Nishizawa. Interior

В работе представлен сбор и сопоставление информации о современной японской архитектуре. Кратко изложены биография и идеи японского архитектора Таира Нисидзава о будущем архитектуры; представлены проекты и их характеристика.

Ключевые слова: японская архитектура; часовня; русская и японская культура; деревянная архитектура; современная архитектура. /

The authors of the article compare the information collected about contemporary Japanese architecture. They present the biography and ideas of Japanese architect Taira Nishizawa concerning the future of architecture, as well as his projects and their characteristics.

Keywords: Japanese architecture; chapel; Russian and Japanese culture; wooden architecture; contemporary architecture.

«школы Синохара»), известного достаточно неординарным подходом к проектированию; его последователем, в том числе, был и Тоёо Ито. Свою архитектурную деятельность Таира Нисидзава начал сразу после выпуска, поступив на работу в архитектурное бюро Кейити Ириэ. В 1993 году основал собственное архитектурное бюро. Первым его проектом стало строительство небольшого частного дома в Татикава. По словам архитектора, идеи конструктивизма были невероятно важны для него, как и для многих других архитекторов Японии, и этот дом – отражение основных положений данного течения. Отец его, как известно, был ремесленником, что, вероятно, оказало влияние на его архитектурную деятельность. Идея «человечности» в архитектуре и непосредственного участия человека очень важны для архитектора. Архитектор известен такими проектами, как дом в Уцунумия (House in Utsunomiya, 2008 г.), спортивный зал Форестри в Томоти (Forestry Hall Tomochi, 2004 г.), протестантская церковь Сун-пу (Protestant Church Sun-Pu, 2008 г.). Работал приглашенным лектором в магистратуре Tokyo University и Tokyo Metropolitan University, вел курсы в Tokyo University of Science, Japan's Women University, Tokyo University of Arts и Tsukuba University. Идея данного интервью родилась из совместных русско-японских архитектурных воркшопов, куратором которых и был профессор Нисидзава. Совершенно различное мировоззрение, взгляд на архитектуру, на городское пространство привели нас, студентов, к достаточно необычным результатам. Вероятно, одной из наиболее важных идей является идея архитектуры как чего-то «не только лишь реалистичного, но и магического». Идея «человечной» архитектуры кажется особенно актуальной в настоящее время [3]. Ставится вопрос о необходимости «останавливаться», о том, как архитектура, обладая столь обширным инструментарием, может помочь людям снова начать жить в согласии с собой, избавиться от проблем со здоровьем, депрессивных расстройств и других проблем, свойственных человеку XXI века. В связи с изменениями последних лет, компьютеризацией, социальными процессами меняется архитектура. Но должна ли она меняться так, как это происходит? Профессор размышляет о необходимости достаточно серьезного изменения среды,

Taira Nishizawa. Thoughts about Russia, Japan and Architecture.

Taira Nishizawa (note: Brother Rue Nishizawa, co-founder of SANAA). Architect from Japan. Professor of the Faculty of Architecture, Shibaura Institute of Technology in Tokyo.

In 1987, Nishizawa graduated from the Department of Architecture, Tokyo Technological University. He was a student of the Japanese architect Kazuo Shinohara, who was known for his rather unusual approach to design (the term "school of Shinohara"), one of his followers was Toyo Ito. T. Nishizawa began his architectural work right after graduation, started working in the architectural office of Keiichi Irie. In 1993 he founded his own architectural bureau. His first project was a project of a small private house in Tatariva. According to the architect, the ideas of constructivism were incredibly important for him, as well as for many other architects of Japan, and this house is a reflection of the main provisions of this trend. His father, as you know, was a craftsman. This, probably, influenced his style a lot. The idea of "humanity" in architecture

and direct human participation is very important for the architect. The architect is known for such projects as: House in Utsunomiya (House in Utsunomiya, 2008), Forrester Sports Hall in Tomoti (Tomochi Forest Hall, 2004), Protestant Church Sun-pu (Protestant Church of San Pu, 2008). He worked as an invited lecturer in the magistracy of the University of Tokyo and Tokyo Metropolitan University, taught courses at the Tokyo University of Science, the Japanese Women's University, the Tokyo University of Art and the University of Tsukuba. The idea of this meeting was born from the environment of Russian-Japanese architectural workshops, curated by Professor Nishizawa. An absolutely different outlook, a look at architecture and the city space led us, students, to rather unusual results. Probably one of the most important ideas is the idea of architecture, as something "not only all realistic, but also magical." The idea of "human" architecture seems especially relevant at the present time (Prasol, 2008). The question is raised about the need to "dwell" on how architecture, having such extensive tools, can help people get rid

в Рис. 2. Т. Нисидзава рассказывает о проекте часовни / Fig. 2. Nishizawa is speaking about the project of the chapel

Taira Nishizawa. Thoughts about Russia, Japan and Architecture

в которой человек живет: избыточность так же, как и отсутствие вариативности, негативно отражается на архитектуре. Самое важное – найти баланс. Разнообразие же может достигаться за счет совершенно простых средств: грамотного использования натуральных источников света, использования натуральных материалов. Архитектору важно задумываться о человеке, а средства для создания по-настоящему комфортной среды всегда можно найти [1]. То, что воспринимается нами в настоящее время как основное направление японской современной архитектуры, находится в состоянии изменения ориентиров и по-новому расставленных приоритетов.

– Можете ли вы назвать ваши любимые здания в России, в Москве?

Я был в Москве всего лишь дважды, поэтому у меня недостаточно знаний о ней. Сперва я хотел бы назвать здание Центросоюза, построенное Ле Корбюзье. Оно просто невероятное, огромное. Знаете, в начале его карьеры, до Второй мировой войны, большинство его работ в Париже и Европе – достаточно малозатратны и типичны для него. Они белые, маленькие. Эти ранние работы, конечно, интересны, но не настолько. А вот его работы после второй мировой – Unité d'habitation (Жилая единица) и церкви – были грандиозными. Центросоюз – его ранняя работа, но она неким образом связана с его взглядом на будущее. Во-первых, оно не белое, а коричневатое. Такой огромный объем! Я не знаю, оценили ли его работу местные жители в то время, но я был поражен. В России вы по-прежнему используете многое из наследия таких архитекторов эпохи конструктивизма, как братья Веснины, Мельников и многие другие. Работы конструктивистов были весьма впечатляющими для Японии, особенно для моего поколения. Мои студенческие годы пришлось на холодную войну, поэтому для нас было весьма сложно попасть в Советский Союз, чтобы увидеть работы конструктивистов собственными глазами. Поэтому, когда я впервые увидел работу Моисея Гинзбурга (здание Наркомфина – прим. авт.), я был поражен: люди до сих пор используют это здание. Увидеть работу Гинзбурга своими глазами было моей мечтой, потому что он был так важен для нас в 80-е! Это было поразительно: оно, конечно, в ужасном состоянии, но оно все

of health problems, depressive disorders and other problems peculiar to a man of the 21st century. In connection with the changes inherent in recent years, computerization, social processes, architecture is changing. But, if you think about it, should it change the way it happens? The professor reflects on the need for a sufficiently serious change in the environment in which a person lives. Because the redundancy, like the lack of variability, adversely affects the architecture. The most important thing is to find a balance. Variety can be achieved with the help of absolutely simple means, such as: the competent use of natural light sources, the use of natural materials. An architect should always think about people, but the means to create a truly comfortable environment can be easily found (Konovalova, 2009). Architecture, which we currently perceive as the main direction of Japanese modern architecture, is in a state of changing landmarks and newly placed priorities.

– What are your favorite buildings in Russia, in Moscow?

I don't have enough experience because I have been to Moscow only twice. First of all, I would like to name the Corbusier building – Tsentrosoyuz. It is so amazing, so huge. He started his career before the World War II, you can see a lot of his works in Paris, in Europe, but all of them have a typical style, they are all small and white. His early works are really interesting, of course. But his works after World War II, such as Unit d'Habitation or the churches, have very huge size. Even though Tsentrosoyuz was his early work, it has something about his look into the future. First of all, it is not white, it is brown and it is of a very huge volume. I don't know whether or not architects loved that work at that moment, at that time, but I was so shocked.

Also, here, in Russia, you are still using such heritage as, for example, works of Vesnini brothers, Melnikov and many other constructivists. Russian constructivists' works were so impressive for the Japanese people, especially, for my generation. I was a student during the Cold War, and it was almost impossible to come here and to see constructivism works

в Рис. 3. Часовня.
Интерьер /
Fig. 3. Interior of the
chapel

with my own eyes. That is why it was so amazing to come to Moscow and see all these buildings, especially Ginzburg's work (Narkomfin Building – ed.). People are still living in this building, using it. When I was young, I dreamed about visiting this piece of architecture. It was so shocking to see that it looks quote bad, but it is okay, it is still lovely – constructivists' works in Russia are getting older and older, but are being used for a long time, whereas in Japan we destroy buildings, early modern pieces, rather quickly to build new ones.

I was also deeply impressed by old churches, it is really interesting. It seems to me that Russian orthodox architecture is a mixture of not only European architecture, but also Asian culture, including the Islamic culture, it is very interesting. In Japan nobody has studied the Russian orthodox architecture well enough.

– Have you noticed any differences in space planning in Russia and Japan, say, in their capitals – Moscow and Tokyo?

еще потрясающее. То, что работа конструктивиста до сих пор используется и становится старше – это замечательно. Знаете, в Японии мы иногда сносим более ранние здания достаточно рано (чтобы построить новые – прим. авт.). Поэтому это меня поразило. Меня удивили старые работы, вроде православных церквей, они поразительные. Архитектура церквей вызывала у меня ассоциации с европейской культурой, но в то же время в них было что-то от Азии, что-то от ислама. Это крайне интересно. Никто из японцев не занимался детальным изучением архитектурой русской православной церкви.

– Заметили ли вы какие-то различия в устройстве пространства в России и Японии, скажем, в их столицах – Москве и Токио?

Москва такая огромная! Токио тоже огромный, но он велик «по-другому». Мы развиваемся в разные стороны. У нас тоже достаточно интенсивная застройка, но города сильно разрастаются также и в горизонтальной плоскости. Но здесь все иначе – размер квартала и одного здания сам по себе очень большой. Улицы ощущаются очень мощными. Кроме того, мне кажется очень интересным рисунком рельефа в городе. Улицы имеют очень замысловатый характер: они то поднимаются и исчезают в перспективе, то опускаются по рельефу, каждый раз создавая новый облик, имеющий определенный паттерн. Я думаю, сама геометрия города достаточно интересна. Вообще, посмотрите на эти улицы: мне кажется, они раз в пять больше японских! И ширина, и размер самого корпуса здания очень массивны и масштабны.

– Как Вам кажется, влияет ли среда – природная и социальная – на архитектуру в России и Японии?

В России и Японии, как мне кажется, разные приоритеты. Например, и в России, и в Японии очень развита система метрополитена. В обеих странах очень интенсивное движение. Но в России приоритетом является скорость, тогда как в Японии – это прежде всего точность и безопасность. Меня шокировало, например, как быстро в России закрываются двери вагона, тогда как в Японии это происходит медленно, мягко. В самих вагонах московского метро так трясет, что невозможно устоять на ногах. Но в Японии поезда ходят очень плавно. Таким образом выражается безопасность.

Moscow is so huge. Tokyo has a different type of “hugeness,” we spread. There is also high density, but not as in Moscow. Here, for instance, the size of the block is so huge. The cityscape is so interesting, streets are very powerful. The street has its own pattern – it is climbing the hill, it is running up and disappears. And the geometry of the city is very very interesting and has an individual character. Look at that building – it's maybe five times bigger than the Japanese one. So huge! Width and size of the block are very big. Every part is of a very huge scale.

– In your opinion, does the environment, both natural and social, have an impact on the architecture in Russia and Japan?

I have an impression that priorities in Russia and Japan are slightly different. Let's take the example of subways. We, in Tokyo, have many metro lines, so do you here, in Moscow. Both countries have very, very heavy traffic, but Moscow prioritizes speed, while in Japan we favor not speed, but rather punctuality and safety. I was particularly shocked to see how

Если говорить об архитектуре, то иногда мне кажется, что в Японии архитектура слишком уж чистая, слишком совершенная в плохом смысле. Здесь, например, поверхность здания потертая, грязноватая, а японцы постоянно озабочены очищением фасадов чуть ли не изо дня в день. Чистота – это что-то, чему уделяется слишком много внимания; японцы ошибочно полагают, что чистота равняется красоте (эта концепция отражена в самом языке: для передачи значений «чистый» и «красивый» используется одно слово – кирэй – прим. авт.). Они не совсем понимают, что чистота – не всегда верный путь к красоте. Это непонимание и приводит японцев к созданию чересчур «совершенной» архитектуры, со слишком «совершенной» инженерной системой и фасадами. Мне иногда кажется, что подобная архитектура – иными словами, современная архитектура Японии – выглядит ужасно. Она достаточно слаба как в концептуальном плане, так и с точки зрения философской концепции. Я, однако, не очень хорошо знаком с современной архитектурой России, но, на мой взгляд, за архитектурой, вероятно, стоит какой-то мощный посыл, будь то отдельное здание или город. Если у вас есть определенный сильный принцип, на котором базируется архитектура, мне кажется это допустимым. Многие современные архитекторы – Тоёо Ито, Тадао Андо, Кадзуо Сейдзима – постоянно создают чересчур совершенную архитектуру. И иногда мне кажется, что я не способен найти никакого философского обоснования концепции, ничто не предвещает создание архитектуры. Это даже немного грустно. Это слабые стороны японской архитектуры, современной архитектуры и возможной тенденции ее развития.

– Каким вы видите будущее развитие японской архитектуры?

Если обратиться к истории культуры Японии, то становится ясно: когда создаются все более и более совершенные работы, это означает близость к окончанию пути, окончанию тенденций. Если какие-то архитектурные проекты или произведения искусства становятся все более и более совершенными, это означает, что их работа на этом окончена. У нас был подобный опыт в прошлом. И каждый раз мы убеждались в том, что совершенство знаменует исчезновение мира в том виде, в котором

fast train doors shut in your metro, it looks like it is going to kill you. But in Japan doors close softly, slowly. Metro cars are also different – they are very shaky in Russia, you can hardly stand on your feet, but in Japan they are not shaking at all. It shows that safety and punctuality are our main priority.

Influence of such things on the architecture is an important issue. Sometimes, I think, Japanese architecture is too clean, too sophisticated – in a bad way. In Moscow, for example, surface of buildings looks dirty, while in Japan surfaces of buildings are cleaned almost every day, which is bad. You know, sometimes Japanese people mistakenly think that beauty is equal to being clean (e.g. Japanese word *kirei* means both “clean” and “beautiful” – ed.). Cleaning is not necessary a path to becoming beautiful, such belief is a bad aspect of Japanese architecture. This misunderstanding makes us create very sophisticated buildings with sophisticated façade and structural system. Sometimes, I think, this kind of architecture, contemporary Japanese architecture, doesn't look powerful, it rather looks weak – both in

в Рис. 4. Вход в часовню /
Fig. 4. Entrance to the
chapel

conceptual and in philosophical way. I don't know exactly what is going on in contemporary architecture in Moscow or in Russia. Maybe if there is some strong principle behind the building or the city, or the social system, it is okay, I think. Most of Japanese contemporary architects create way too sophisticated buildings, and sometimes I do not find any philosophical background behind their works. That is a weak aspect of Japanese contemporary architecture, its architectural tendencies.

– What is your vision of the future of Japanese architecture?

Looking at the Japanese cultural history, I see that becoming more sophisticated means nearing the end of the way, the end of tendencies. If some architectural works are getting more and more sophisticated, their work is over. We had several experiences like this in the past: each case tells us that sophistication means the end of creation, the end of the modern world – maybe the next trend would be surfacing at this moment. Maybe in the XXII century it would be obvious that

мы его знаем, ставит точку на процессе творчества (в сложившихся тенденциях – прим. авт.). Мне кажется, в настоящее время в Японии проходит последний этап модернизации; настоящий момент ознаменован уходом определенных тенденций архитектуры и возможностью создания новых. Я не знаю, что последует за данным периодом, но, возможно, новое направление возникнет совсем скоро. Возможно, в XXII веке станет очевидно, что XX век и первые декады XXI века были концом современной архитектуры.

Неясно, что будет в будущем, однако можно, например, задуматься об этом на примере энергетики. В настоящий момент наш энергетический сектор базируется на использовании углеводородов, таких природных ископаемых, как нефть и газ, используется также атомная энергетика. Однако в настоящее время, после 3/11 (мощное землетрясение и цунами в марте 2011 года в Японии, повлекшее за собой аварию на АЭС Фукусима – прим. авт), ряд стран пересмотрел свою энергетическую политику и начал переход от углеводородов к возобновляемым источникам энергии, таким как солнечный свет, вода, ветер и геотермальная теплота. За этим трендом – будущее в энергетике, и в архитектуре это, вероятно, должно отражаться (прим. авт.). Аналогичные процессы происходят в пищевой индустрии, которая тоже переживает модернизацию. Выращивается внушительное количество зерновых и овощей, используются современные технологии, но они лишены разнообразия. Но перемещение акцента с разнообразия на количество произошло где-то в XIX, возможно, XVIII веке. Я полагаю, что после современной эпохи изменится сельскохозяйственный сектор и будет восстановлена связь между производителем и потребителем, ощущение безопасности при употреблении того или иного продукта, которые были утрачены на данном этапе. Рассматривая различные аспекты жизни вне архитектуры, мы можем наблюдать в современной архитектуре множество новых направлений и тенденций. Так что, вероятно, «культура строительства» – архитектура – также качественно изменит свой характер. Разнообразие – очень важный аспект в архитектуре, но это должно быть «разумное» разнообразие. Уже на протяжении более чем 10 лет я об-

the XX century and first decades of the XXI century were the end of the modern age. I do not know what will come after the modern age, but let's take a look at, say, energy. Modern energy system is based on carbons, oil and gas, some nuclear energy. But, nowadays, especially after 3/11, some countries have shifted to renewable energy, such as sound, wind, heat, sun. That would be something that will follow the modern period in the energy sector.

Or let's take the example of food culture. Starting the XX century it switched towards massive quantities of corns, lack of variety, GMO. Until then farmers used to produce a large variety of vegetables. Maybe new food culture is about to come. I believe that in areas outside architecture new trends, which will follow the modern age, are already surfacing and will influence other aspects of life, including architecture.

For more than 10 years, I've been concentrating on wooden construction. And wooden construction is very, very traditional. We had pre-modern wooden construction culture in Japan. But I want to reconstruct these wooden construction

рашаюсь к деревянной архитектуре. Деревянная архитектура в Японии существовала давно, но мне бы хотелось возобновить использование конструктивных деревянных систем, чтобы создать подходящее пространство для тела современного человека, позаботиться о его слабостях в современную эпоху. У меня по-прежнему есть надежда продолжить создавать здания с использованием дерева. Никто в Японии особенно не занимался деревянной архитектурой; архитекторы старались избегать использования этого материала, особенно в эпоху модернизма.

– Раз уж вы затронули тему строительства из дерева, не могли бы вы рассказать нам про часовню – один из ваших проектов, который иллюстрирует эту мысль?

Здание основано на традициях японского зодчества: у нас было множество талантливых мастеров-плотников. Что касается самой часовни, то это деревянная христианская церковь, протестантская часовня, не католическая. Я сам христианин, исповедую протестантизм. В детстве меня привели в церковь, и я учил английский, посещая церковь. Протестантские церкви, в целом, строятся из дерева. Потому что страны, исповедующие протестантизм, обладают богатым запасом дерева, например, Германия, Швейцария и другие северные страны Европы. Моей задачей было создать не только реалистичную, но «магическую» архитектуру. В данном проекте я смог использовать конструкции из дерева, даже несмотря на то, что строил часовню в Японии. Внешние стены очень толстые, они составляют 760 мм в ширину, включая опорные стойки ферм. В то же время кровельные перекрытия тоже достаточно толстые, составляют 1350 мм, включая балки фермы. В качестве материала для экстерьера была выбрана сосна (ил. 5). Когда я планировал это здание, то понимал, что в протестантской церкви важны два аспекта – свет и акустика (ил. 2; 7). «...с неба падает свет, а объект съемки разговаривает. Пойманы «свет и голос», которые являются центральной концепцией этой церкви». Важность света состоит в том, что в христианстве крайне важно наличие света при чтении той же Книги Бытия, которая посвящена созданию мира. А первые Бог создает свет. Хорошая акустика и отсутствие эха нужны для того, чтобы слышать слово проповедника, ведь

systems to fit contemporary human bodies, to take care about weakness of human bodies in contemporary era. So, at this moment, I'm hoping to create some wooden architecture because nobody has done it during the modern period in Japan, no one has touched upon wooden construction.

– Since you have mentioned wooden architecture, can you tell us more about one of your pieces – San-Pu Church?

This wooden chapel is based on the Japanese wooden construction heritage, we had many talented carpenters in Japan. This chapel is a Protestant church. I am also a Christian, a Protest. Actually, I learned English in a church that I was going to as a child. Protestant churches are sometimes built with wood, because protestant countries have many forests, such as Germany, Switzerland or north European countries. They are all, basically, protestant countries. So, in this case I could use wooden construction even for my chapel in Japan.

Exterior wall is very thick – 76 centimeters, 135 in height. Pine wood is used for exterior surface. Light and sound are

для протестантов крайне важны слова из Священного писания. Голос любого создания в целом очень важен. Я спроектировал здание таким образом, чтобы ближе к полу ширина деревянных панелей была достаточно велика, а зазор между ними – мал. Чем выше, тем меньше становится ширина панелей и тем шире зазор между ними. У самого пола ширина панели составляет 90 мм, зазор между ней и следующей панелью – 1 мм. Следующая панель уже 85 мм в ширину, а зазор составляет 2 мм. Таким образом, сами панели постепенно становятся уже, а зазор – шире. Самая верхняя панель в ширину 1,4, а зазор очень широк (ил. 1; 3). Такая планировка делает свет мягким, словно солнечный свет проходит сквозь некую ткань. А излишний шум и эхо поглощаются наружной отделкой, находящейся под деревом сосны – ватой и стекловолокном. Я не использовал лак при строительстве здания. Ведь покрытие дерева лаком – это, в некотором роде, отрицание деяний Божиих, отрицание дерева в том виде, в котором он его создал (ил. 5; 6).

в Рис. 5. Часовня. Фрагмент бокового фасада / Fig 5. The chapel. A fragment of its side

в Рис. 7. Т. Нисидзава рассказывает о конструкции часовни / Fig. 7. Nishizawa is speaking about the chapel structure

the most important elements for protestant churches. In Christianity, light is particularly important for reading the Genesis. As regards sound, it is crucial for protestant churches, while in non-Protestant churches, in Catholic ones, there is an excess of echo, you cannot listen to preacher, whereas the sound condition is very important for construction of a Protestant chapel as the words of the Bible play an important role in Protestantism.

The width of bars is getting smaller, while gaps between bars are getting wider from the bottom to the top. Excess of echo and noise are absorbed by cotton and grass fibers. Near the floor, the bar is 9 centimeters in width, while the gap between it and the second bar is 1 mm. The second bar's width is 8.5 centimeters, while the gap is 2 mm. Bars' width is getting smaller and smaller, while the gap reaches 1.4 centimeters at the top. This makes light very soft like it comes through textile. I have not used any paint during the construction of this chapel: if you paint natural wood it becomes artificial – you deny the God's work, because even

wood was created by the God. Besides, church ceremony there is held twice a week and quiet, there is no need for paint.

Many interesting things happened at the construction site, since this space is made from natural materials and had natural sunlight and acoustic conditions. For example, workers, who normally prefer to eat outside, did it inside the chapel because it reminded them of a hot spring. One painter even said that this space was very good for his sleep. Birds and cats came to this chapel, as it is so close to what happens in the nature's world.

I think that architecture that will come after the modern era will be about giving treatment to human bodies – good sleep, mental condition, keeping your biological clock, your concentration. Maybe architecture will be somewhat environmental, medical, will reflect modern type of thinking.

– Can you tell us more about your first architectural project?

My first work was a tiny house. It was completed 21 years ago, in 1996. I was 32 years old. A tiny, isolated house. Zelko-

Эта часовня была выполнена из природных материалов, а также обладала хорошими световыми и акустическими характеристиками, поэтому много интересного происходило во время постройки. Обычно на японской стройке работники всегда выбирают солнечное место, чтобы пообедать и подремать в перерыв. Но во время строительства этой часовни все работники приходили пообедать и подремать в саму церковь. У них не было для того особых причин. Один из работников сказал мне, что ему удавалось хорошо отоспаться внутри этого помещения. Этот феномен достаточно интересный: иногда бродячие кошки подходили к зданию, часто возле него кружили стаи птиц... Так здание приближено к происходящему в мире природы. Мне кажется, что архитектура будущего, которая последует за эпохой модернизма, будет определенным образом связана с заботой о теле человека, вроде медицинского лечения – обеспечивать хороший сон, поддерживать биологические часы, улучшать концентрацию. Забота о собственном теле, психологическом состоянии так же важна, как и еда. Такой тип мышления далек от современного, но мне кажется, что он

придет ему на смену, и архитектура будет больше отвечать неким экологическим, медицинским задачам.

– Каким был ваш первый архитектурный проект?

Это был небольшой частный жилой дом. Строительство завершилось в 1996, больше 20-ти лет назад. Мне тогда было 32. Как видите, это полностью мой проект: крошечный частный дом площадью всего лишь 90 кв. м. Это вообще уникальная черта японской архитектуры – такие вот крошечные дома на невероятно маленьких участках. Внутри расположен сад с деревьями локвы, а другой фасад выходит на улицу. Поэтому я немного изменил геометрию дома: у него нелинейный фасад, немного выступающий относительно проезжей части с тем, чтобы освободить место для сада во внутреннем дворе. Внутри предусмотрено парковочное место, так как нет возможности ставить машины вдоль улицы. Поэтому была предусмотрена специальная арка для въезда автомобиля 2,4 × 1,9 метра, под габариты машины заказчика. Домик очень маленький и малозатратный. В доме два этажа, соединенных лестницей. Я использовал зеркало в столовой, чтобы визуально увеличить пространство комнаты, как это делал Гинзбург. Кроме того, сидя за любой стороной стола, хозяева смогут увидеть деревья локвы либо их отражение. Еще у хозяев была старинная аудиосистема с различными усилителями и динамиками, поэтому я выделил для нее отдельное место на первом этаже.

Заказчики были близкими друзьями моей сестры. Японские архитекторы нередко начинают свою карьеру с таких заказов на маленькие дома. Таких домиков очень много в Токио и по всей Японии, это сильно отличает нас от европейцев. Частные дома у европейцев должны быть не меньше 200 кв. м по площади, либо же они живут в многоквартирных домах. У нас же в Японии подобных крошечных домиков очень много, поэтому у молодых архитекторов есть уйма возможностей спроектировать здание, скажем, для друзей или родственников. Подобная тенденция возникла как эксперимент после Второй мировой войны. Многие японские города сильно пострадали от пожаров во время бомбежек США, поэтому в первые годы после войны, в 1945–1946-м, начали строить бараки. Спустя несколько лет архитекторы стали строить маленькие дома, которые были значительно луч-

va trees. Less than 90m² in total. Unique aspect in Japanese architecture. The site is so tiny. Garden space, no parking space along the street. 2.4 meters in width, 1.9 meters in height. Cheap and tiny. Mirror to extend space, to make illusion of wideness of space. Both trees and its reflection. Owners liked classic audio systems with speakers. Clients were good friends of my sisters. We have a lot of isolated tiny houses all over Japan, slightly different from western countries. You often cannot build tiny isolated houses, more than 200 square meters in total. Otherwise you have to live in apartment blocks. We have many isolated houses, for young architects there are many chances to design such type of houses. This tendency came as an experiment after WW2. Most of Japanese cities were burnt by US bombings. We began to build barracks in 1945-46. Several years later, architects began to design tiny houses better than barracks. Debuts.

Kazuo Shinohara – Many famous architects learned from him.

Roughly saying, we have 2 mainstreams – to begin with building tiny houses, or, like modernists – with public buildings.

ше барачков. Мой учитель Кадзуо Синохара был известным архитектором, который занимался строительством достаточно авангардных, преимущественно частных домов. Известные сейчас архитекторы – Тоёо Ито, Кадзуо Сэйдзима – многое у него почерпнули; их даже называют «школой Синохара». Сейчас его уже нет в живых, но его до сих пор почитают в Швейцарии, Германии. Грубо говоря, в Японии существует как бы два течения, в русле которых архитектор может начать свою карьеру. Одни начали свою карьеру с проектирования маленьких частных домов, а другие – модернисты – дебютировали, создавая общественные здания.

– Что вы пожелаете начинающему архитектору?

Вспоминая свои студенческие годы, я понимаю, как много было у меня свободного времени по сравнению с современными студентами. Они слишком заняты: проверка почты, Instagram, Line (мессенджер, популярный в Японии – прим. авт.) и других соцсетей. С одной стороны, хорошо, у них есть безграничный доступ к информации. С другой же стороны, у них совсем не остается времени, чтобы смотреть сами здания. На них рушится нескончаемый поток информации. В мое же время информация была ограничена – лишь массивные книги и несколько журналов. Поэтому мы часто ездили смотреть сами здания, делились знаниями с сокурсниками и преподавателями, обсуждали архитектуру. Давайте проведем такую аналогию. Для того чтобы достичь совершенства, будущий шеф-повар должен перепробовать множество блюд. Так и архитектор должен «вкусить» архитектуру, увидеть здания собственными глазами. Мой совет таков: прекращайте «кликать» хотя бы изредка и выделите время для того, чтобы выйти в реальный мир.

Литература

1. Коновалова Н. А. Скрытое и открытое в архитектуре Японии // Архитектура и строительство, 2009. – № 2. – С. 23
2. Дюрягина А., Клейменичева Д. Япония. Пространства внутри и вне архитектуры // Наука, образование и экспериментальное проектирование-2017. Труды МАРХИ: Материалы международной научно-практической конференции 3–7 апреля 2017 г. – М.: МАРХИ, 2017. – 448 с., илл.
3. Прасол А. Ф. Япония: лики времени. – М.: «Наталис», 2008. – С. 125

– Do you have some advice to young architects?

When I was a student, I was not busy, I had plenty of time. But looking at nowadays students, I see that they are very busy checking social media, response of their audience, they are overwhelmed by information. They need to stop clicking and visit real buildings. When I was young, our information was so limited, we had only heavy books and some magazines, had to visit real buildings and share information with friends and teachers. Because of the Internet and social media young architects do not have enough time to talk about architecture, visit buildings and do research. I always tell my students to visit real architecture peaces and discuss with friends. Architecture in this sense is close to cooking. You need to taste many dishes to become a good cook. And you need to see as many buildings as possible to become a good architect. So, stop clicking and make enough time to explore the real world.

в Рис. 8. Фрагмент входа в часовню /
Fig 8. A fragment of the entrance to the chapel

4. Nishizawa T. Taira Nishizawa Wooden works 2004–2010. Inax, 2012. – 128 p.

5. Russell J., Cohn R. Архитектура Японии. – М., 2012. – 80 с.

References

Dyuryagina, A., & Kleimenicheva, D. (2017). Yaponia. Prostranstva vnutri i vne arkhitektury [Japan. Spaces inside and outside architecture]. Proceedings from the research and practice conference as of 3-7 April, 2017: Nauka, obrazovanie i eksperimentalnoe proektirovanie-2017. Trudy MARCHI. Moscow: MARCHI.

Konovlova, N. A. (2009). Skrytoe i otkrytoe v arkhitekture Yaponii [What is closed and opened in Japan architecture]. Architecture and construction, 2, 23.

Nishizawa, T. (2012). Taira Nishizawa Wooden works 2004–2010. Inax.

Prasol, A. F. (2008). Yaponia: liki vremeni [Japan: images of the time]. Moscow: Natalis.

Russell, J., & Cohn, R. (2012). Arkhitektura Yaponii [Architecture in Japan]. Moscow.